

О.В. Овсянников

ВОСПОМИНАНИЯ О И.И. ЛЯПУШКИНЕ

С Иваном Ивановичем Ляпушкиным мне посчастливилось работать в тогдашнем секторе славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР, к сожалению, всего несколько лет – с 1962 г., когда меня приняли на работу в институт, по 1968 г., когда он ушел из жизни. Предельно щепетильный в отношениях между людьми, относящийся с большим уважением и тактом к коллегам «всех рангов» (всех научно-технических сотрудников, лаборантов и старших лаборантов – такие ставки предшествовали званию «младший научный сотрудник» в тогдашнем штатном расписании института – Иван Иванович называл исключительно по имени-отчеству). Выполняющий свою работу в поле и за письменным столом с огромной ответственностью, он вызывал искреннее чувство уважения. О нем как о виртуозе-раскопщике ходили почти легенды, и многие хотели побывать в его экспедиции.

В то время он жил в квартире, находящейся в здании нашего института, на 3-ем этаже среди кабинетов сотрудников «закрытого» института «Электромаш» (квартиру в городе он получил позднее). Иван Иванович появлялся в помещении сектора всегда вовремя, спускаясь по лестнице (лифта тогда не было), потом также уходил на обед и появлялся снова на рабочем месте. То, что он не пользовался гардеробом в вестибюле нашего здания и его путь по парадной лестнице и затем по коридору не прослеживался (а пользоваться раздевалкой нужно было обязательно – человек в верхней одежде в любом из трех институтов нашего здания был большой редкостью), придавало этим приходам и уходам Ивана Ивановича определенный элемент неожиданности или необычности. Получалось, что он ВСЕГДА в институте.

Дни, а это были в то время вторники, когда делали доклады, И.И. Ляпушкин или его «извечный» оппонент П.Н.Третьяков, были для сектора всегда особенными: в напряженной дискуссии сталкивались два различных подхода к интерпретации археологических фактов. Иван Иванович считал, что даже гипотезы, высказываемые исследователем, должны быть предельно аргументированными, обо всем другом он говорил: «Этого мы не знаем!» или «Таких данных и такого материала у нас нет!» П.Н.Третьяков видел в имеющихся фактах уже достаточное основание для гипотез и считал, что ученый уже сейчас, на данной ступени исследования имеет право высказывать те или иные предположения. Часто можно было наблюдать, как глубоко волнуют Ивана Ивановича эти дискуссии, как он нервничает, а П.Н. Третьяков, возражая своему оппоненту, сидел как скала, плавно жестикулировал своими огромными «крестьянскими» руками, нередко иронично улыбался. Время рассудило, в чем прав тот или другой исследователь, или в чем они оба правы и в чем не правы.

По-моему, в день рождения Ивана Ивановича (а может быть, после его докторской защиты в Москве в 1968 г.?), после заседания сектора, которое происходило в Дубовом зале института, зав. сектором М.К. Каргер загадочно заулыбался и закончил свою поздравительную речь приблизительно так: «А сейчас я лично дарю ему машину!» Думаю, что дрогнули сердца только молодых, «необстрелянных» сотрудников, ибо большинство в зале знало определенно, что М.К. Каргер никогда чрезмерной щедростью, мягко говоря, не отличался. Но М.К. Каргер подарил то, что обещал – достал из своего портфеля миниатюрную детскую иг-

рушку – машинку и торжественно преподнес ее Ляпушкину. Так Иван Иванович стал счастливым обладателем машины.

Я с особым чувством вспоминаю один из эпизодов общения с Иваном Ивановичем, потому что он в какой-то мере предсказал мою судьбу. Дело было так. В 1967 г., осенью, по радио и в газетах была небольшая «шумиха» по поводу поездки морем на карбасе «Щелья» из Архангельска – Баренцевым, Карским морями и Обской губой в далекую, но загадочную Мангазею – «златокипящую государеву вотчину» двух архангелогородцев – бывшего моряка Буторина и поэта Скороходова. Место бывшего русского города на р. Таз, основанного в самом начале XVII в., было хорошо известно и ранее, но это плавание как бы возродило новую волну интереса к забытому городищу на севере Западной Сибири. Оказалось, что в какое-то утро мы слышали одну и ту же радиопередачу на эту тему. Речь шла о необходимости и важности нового археологического исследования этого памятника. Когда я пришел в сектор на работу, Иван Иванович сразу сказал мне: «Олег Владимирович! Вы слышали сегодня передачу по радио? Вы работали в Архангельской области и интересуетесь Русским Севером. Организуется Мангазейская экспедиция, вот Вам и следует быть там!» Я высказал сомнение, что лаборанту вряд ли представится возможность попасть археологом с Открытым листом на

раскопки Мангазеи – уж больно круто разворачивалась «кампания», связанная с будущими раскопками.

На мои слова Иван Иванович отреагировал моментально: «Да бросьте Вы бояться, и не надо так рассуждать! Идите и предлагайте себя!». И дальше в том же духе.

Никуда я, конечно, не пошел, никому я себя, конечно, не предлагал, но случилось нечто совсем неожиданное для меня. Как говорится, в одно прекрасное утро в наш институт пришел сам организатор и будущий начальник Мангазейской экспедиции, заведующий отделом истории и географии Арктического и Антарктического НИИ проф. Михаил Иванович Белов – просить тогдашнего заведующего ЛОИА М.К. Каргера прикомандировать лаборанта Овсянникова в качестве археолога в Мангазейскую историко-географическую экспедицию ААНИИ и ИА АН СССР. В Мангазейской экспедиции я проработал два длинных полевых сезона.

«Ну, вот видите – все и получилось!» – прокомментировал Иван Иванович эти события в моей жизни. Первый полевой сезон в Мангазее продолжался с 14 мая 1968 г., когда на Мангазейском городище лежал еще глубокий снег, а на р. Таз мы только в конце июня наблюдали ледоход, и закончился почти через 6 месяцев.

Ивана Ивановича Ляпушкина я уже не увидел, но наши разговоры по поводу Мангазеи, да и на другие темы тоже, не забыл.

Статья поступила в номер в 2004 г.